

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

“ИДЕНТИЧНОСТЬ” В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

N.L. Polyakova, doctor of sociological sciences, professor of the Faculty of sociology, Lomonosov Moscow State University, e-mail: polyakova@socio.msu.ru

“IDENTITY” IN CONTEMPORARY SOCIOLOGICAL THEORY

Проблематика идентичности вышла на передний план анализа современных обществ в условиях утраты ими жестких социальных структур, институтов, аскриптивных статусов и оформления “мягкой”, “текучей” современности. Различные концептуализации идентичности становятся фундаментальной частью современной социологической теории.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, опираясь на классическое понятие “идентичность”, созданное в рамках подхода динамической психологии Э. Эриксоном, проанализировать современные подходы к анализу идентичности, их отличие от теории Эриксона, а также выявить теоретические проблемы, которые возникают при построении современной теории идентичности.

В статье обосновывается, что природа современной идентичности связана с процессом индивидуализации, развернувшимся в обществах модерна.

Исследования современной идентичности очень многообразны, однако все их можно объединить в три большие группы в соответствии с тремя методологическими подходами — конструктивистским, постмодернистскими и интеракционистским. В статье анализируются наиболее значимые концептуализации, создаваемые в рамках этих подходов, осуществляется их сопоставление, выявляются проблемы теоретического и методологического характера, возникающие в рамках каждого подхода.

В статье демонстрируется, что основу конструктивистского подхода составляет концепция рефлексивности, используемая в качестве механизма, посредством которого осуществляется построение идентичности индивидом. Идентичность — это рефлексивный проект, который осознанным образом реализуется индивидом.

Постмодернистские теории идентичности демонстрируют фрагментарность, частичность, разорванность эго-идентичности в современную эпоху, ее нарциссическое разложение, неспособность индивида решить проблему целостности и преемственности собственной личности. Идентичность как понятие замещается понятием идентификации, которое сводит идентичность к различным моделям презентации.

---

* Полякова Наталья Львовна, e-mail: vestnik@socio.msu.ru

Решение проблемы целостности и преемственности индивида — главной проблемы человеческого существования — как условия его психического и социального здоровья, возможно, как представляется, на путях использования интеракционистской методологии.

Ключевые слова: *идентичность, идентификация, рефлексивность, модерн, individual, индивидуализация, социализация, конструктивизм, постмодернизм, символический интеракционизм.*

The problem of identity has come to the fore of contemporary societies in the conditions when the institutional structures of these societies their ascriptive statuses have become looser when modernity is “liquid”, “soft”. Various conceptualizations of identity are becoming a basic part of contemporary sociological theory.

The paper aims to reveal the key problems that sociology faces when striving to work out a theory of identity. The paper takes as its starting point the classic notion of identity. This notion was shaped by Erik Erikson on the basis of his dynamic psychology. The paper proves that the contemporary identity is connected with the process of individualization in modern societies.

Numerous and varied studies of contemporary identity can be divided into three large groups according to three methodological approaches: constructivist, postmodern and interactionist. The paper compares the major theories based on these approaches and reveals their theoretical and methodological problems.

The paper shows that the constructivist approach is based on the notion of reflexivity which is viewed as a mechanism of identity formation by an individual. Identity is a reflexive project which is being realized in a conscious manner. The postmodern theories of identity reveal the fragmentation incompleteness of ego-identity and its narcissic decay. They also reveal the inability of the individual to solve the problem of continuity and unity of her (his) own personality. Identity as a notion is replaced by the notion of identification which reduces identity to various modes of representation.

The interactionist methodology could open up the way to tackle, the problem of individual's unity and continuity as the main problem of human existence. This is the condition of the individual's psychic and social health.

Key words: *identity, identification, reflexivity, modernity, individual, individualization, socialization, constructivism, postmodernity, symbolic interactionism.*

“Идентичность” — понятие, интенсивно и широко используемое в современной социологии, социальной психологии, социальной философии и антропологии. Оно находится в одном семантическом ряду с такими понятиями как “личность”, “самость”, “субъективность”, “индивид”. Более того, понятие “идентичность” в конце XX в. самым активным образом заставило потесниться указанные понятия.

Еще в начале 60-х гг. XX в. понятие “идентичность” либо представляло как расхожий и наивный термин, либо неотчетливым образом увязывалось с некоторыми понятиями психоанализа и социологии. Однако с очевидностью можно констатировать, что в конце XX — начале XXI в. понятие “идентичность” приобрело широчайшее распространение в социальной жизни и в социальной теории.

Это обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, оно позволяет выявить специфику современной социальной жизни, принципов и оснований включения индивида в эту жизнь в широком смысле социализации человека, а, во-вторых, оно предлагает один из вариантов теоретической разработки фундаментальной методологической проблемы современной социологии. Речь идет о проблеме интеграции социального действия и социальной структуры, человека и общества.

В своем классическом варианте теория идентичности была создана в середине XX в. в рамках психоаналитической традиции Эриком Эриксоном. Создавая теорию идентичности, Эриксон опирался на сформулированный Зигмундом Фрейдом динамический подход в психологии. Фрейд исходил из того, что “эго” является производным от конфликта противостоящих психических сил. Любые психические процессы следует поэтому рассматривать динамически. Борьба изначальной сексуальности, которой человек обладает от природы, и социального начала, воплощенного в родительском авторитете и власти в семье, которое также присутствует с самого начала жизни индивида, создает “эго” индивида. Именно этот динамический процесс Эриксон кладет в основу своей теории идентичности.

Опираясь на позицию Фрейда относительно изначальной включенности человека в социальность, Эриксон утверждает, что становление социальной идентичности стартует с факта изначальной включенности человека в групповые практики и опыт. Используя материалы социально-антропологических исследований, Эриксон демонстрирует, что обучение ребенка интегрировано в четко определенную социальную систему и в некоторую устойчивую систему образцов. Это обучение представляет собой метод, посредством которого “групповые способы организации опыта (групповая идентичность как мы это называем) передается телесному опыту ребенка, а через него его становящемуся эго”¹. Идентичность, таким образом, — это “способы организации опыта”, и она может быть групповой или индивидуальной. Групповая идентичность, или «идентичность групп основывается на географических и исторических различиях (коллективное пространственно-временное “эго”) и на существенных различиях социальных целей и средств (коллективный план жизни)»².

Вместе с тем, Эриксон подчеркивает, что эго-идентичность это не простая реплика групповой идентичности, она является динамическим процессом, увязывающим воедино социальные и индивиду-

---

¹ Erikson E. Identity and life cycle. N.Y., L., 1980. P. 20.

² Ibid. P. 20.

альные аспекты опыта. Эриксон опирается на два фундаментальных обстоятельства. Во-первых, на процесс исторической трансформации социальной реальности, а, во-вторых, на то, что обретение эго-идентичности является процессом индивидуального конструирования. Эриксон пишет: “расширение и развитие цивилизации, процессы стратификации и специализации заставляют детей строить свои эго-модели на основе подвижных, частичных и противоречивых оснований”³.

Ребенок обретает чувство реальности на основе того, что его собственный индивидуальный способ овладения опытом (синтез эго) представляет собой успешный вариант реализации групповой идентичности и соответствует отношению к пространству-времени и “жизненному плану группы”. Совпадение чувства растущих индивидуальных возможностей с чувством соответствия культурным групповым смыслам и приводит к оформлению того, что Эриксон называет эго-идентичностью (ego-identity). Речь при этом идет о развитии в направлении “определенного эго в рамках социальной реальности”. Эриксон стремится прояснить этот процесс как динамичный факт соединения субъективного опыта и феномена групповой психологии. “Сознательное чувство обладания личностной идентичностью (personal identity) базируется на непосредственном восприятии собственной самости и преемственности во времени, а также на восприятии того факта, что другие признают эту самость и преемственность”⁴.

Процесс формирования идентичности начинается на основе избирательного отвержения или усвоения “множественных идентификаций, связанных с детством”. Это осуществляется посредством их погружения в новую конфигурацию, что, в свою очередь, зависит от процесса, посредством которого общество идентифицирует молодого индивида, признавая его тем, кем он стал. Общество “чувствует”, что оно признано индивидом, для которого, в свою очередь, также очень важно получить признание со стороны общества.

Идентичность эго в своем субъективном аспекте представляет собой осознание того субъективного факта, что методы синтеза опыта, используемые эго, обладают самостью и преемственностью. Эти методы эффективны как средство обеспечить самость и преемственность индивида для других.

Эриксон выделяет четыре аспекта “идентичности”. 1. Идентичность — это сознательное чувство “индивидуальной идентичности”. 2. Бессознательное стремление к сохранению преемственности характера собственной личности. 3. Это критерий определения

---

³ Erikson E. Op. cit. P. 21.

⁴ Ibid. P. 22.

успеха “молчаливых свершений по синтезированию эго”. 4. Сохранение и поддержание внутренней “солидарности” с идеалами и идентичностью группы.

Теория идентичности Эриксона является компонентом его общей теории личности. Он отводит идентичности совершенно определенное место в структуре личности и рассматривает ее как функцию эго, которая позволяет эго интегрировать сексуальность, индивидуальные способности и социальные обязательства.

Эго как главная организующая инстанция, пишет Эриксон, на протяжении жизни имеет дело с изменяющимся “Я”, которое в свою очередь должно быть синтезировано посредством отказа от каких-то своих форм или их предвосхищения. Это применимо к “телесному эго”, которое является частью “Я”, связанного с организмом и которое поэтому можно назвать “телесным Я”. Это же применимо и к “идеальному эго”, которое посредством идей и образов служит целям постоянного сопоставления с “идеальным Я”. Наконец, это применимо к тому, что Эриксон назвал “идентичностью эго”. То, что может быть названо “самоидентичностью”, возникает из опыта, в котором чувство “рассеивания во времени” успешно сдерживается посредством возобновляемого и все более реалистичного самоопределения, а также социального признания. «Таким образом, у формирования идентичности есть Я-аспект и эго-аспект, — заключает Эриксон. — Формирование идентичности образует часть эго в том смысле, что представляет собой синтезирующую функцию эго на одной из своих границ, а именно — на границе с социальной структурой среды и образом реальности, каким его получал ребенок во время следовавших друг за другом кризисов детства. Другими границами являются “оно” и требования, выдвигаемые нашей биологической историей и структурой, а также суперэго и мораль, идеалы эго с его идеализированными образами родителей»⁵.

Анализ теории идентичности в качестве компонента общей теории личности позволяет нам утверждать, что ее возможно рассматривать как один из первых вариантов конструктивистского подхода к решению вопроса интеграции социального действия и социальной структуры, а также как конструктивистский вариант теории социализации. Достаточно в этом плане обратиться к определению идентичности, которое получило чрезвычайно широкое распространение в современной социологии: «Идентичность — это чувство “я” и преемственность “я”, которое первоначально оформляется в детстве как отличие от родителей и семьи и обретение своего места в обществе»⁶.

---

⁵ Erikson E. Op. cit. P. 161.

⁶ Collins dictionary of sociology. Glasgow, 2005. P. 288.

Данное определение, однако, не включает один, но самый существенный компонент теории идентичности Эриксона, а именно, то, что формирование идентичности — это постоянно возобновляемый процесс самоопределения и соотнесения с социальной реальностью.

Здесь необходимо сделать следующее отступление. В 1950-е гг. создается как минимум две фундаментальные теории социализации, восходящие к психодинамической теории Фрейда. Речь идет о функционалистской теории социализации Т. Парсонса, основывающейся на теории Фрейда и Дж. Мида, с одной стороны, и психодинамической теории идентичности Эриксона — с другой.

Функционалистская теория социализации своим результатом имеет ролевую теорию личности, вписанную в теорию социальных институтов. Что же касается теории идентичности Эриксона, то ее социологический смысл оказался свободным от жесткости нормативно-ролевой конструкции функционализма. Именно это качество теории идентичности поставило ее в более выгодное положение перед лицом необходимости объяснения процессов, развернувшихся с особой силой и определенностью в конце XX — начале XXI в. Речь идет прежде всего о процессе индивидуализации, коррелированность с которым у теории идентичности представляется оптимальной.

“Индивидуализация” — это термин, который появился в 20-х гг. XIX в. и означает процесс высвобождения человека из традиционных картин мира, структур и практик, из аскриптивной системы статусов. Исторически процесс индивидуализации стартовал в рамках общего процесса становления модерна. Развитие модерна приводит к расширению и углублению процесса индивидуализации, при этом сам процесс индивидуализации является компонентом процесса рационализации и модернизации западных обществ. Индивидуализация протекает под влиянием и наряду с такими процессами как секуляризация, урбанизация, становление капитализма.

Изначально структурную основу процесса индивидуализации составляли социально-экономические структуры промышленного капитализма, которые посредством рыночных механизмов, конкуренции и рационализации картин мира и действия способствовали процессу индивидуализации и направляли его.

В рамках процесса общего становления модерна и рационализации оформились социальная и политическая философия и социология, которые культурно и идеологически “вели” этот процесс индивидуализации. Суть влияния этих культурных образований состояла в том, что под их непосредственным давлением создавалась система представлений о человеке модерна как рациональном, обладающим свободой исторического, социального и политического действия и творчества. Его рациональность была связана

с знанием и наукой, которые стали основой его творческой активности по преобразованию социального мира.

Эта рациональность была нормативно и ценностно ориентирована на достижение свободы, равенства и благосостояния и ведома общими идеями Просвещения и прогресса. Под влиянием подобных идей оформились принципы социального действия и агентности в обществах модерна, которые и получили отражение в социологических теориях социального действия и агентности, в теориях рационализации и модернизации.

Рассмотрение общества модерна и процесса их развития как движения в сторону от “коллективностей”, ослабления любых коллективностей, их “необязательности”, произвольного вхождения в них и свободного их выбора на фоне общего и главного процесса индивидуализации, индивидуальной конкурентоспособности, меритократизма и рациональности составило основу классических теорий социального действия от М. Вебера до Т. Парсонса. Эти теории социального действия создавались на основе анализа опыта общества классического модерна XIX — первой половины XX в., были адекватны социальной практике и составили фундамент социологической теории.

Однако в последней трети XX в. и экономическая, и социальная, и культурно-идеологическая ситуации претерпели резкое изменение.

Процессы трансформации структур промышленного капитализма в последней трети XX в. привели к ослаблению их жесткости и формированию “мягкой”, или “текучей” современности, говоря словами З. Баумана, связанной с формированием постфордистских структур в сфере производства, уходом в прошлое классических форм классовой структуры обществ начала модерна. Эти процессы фундаментальным образом трансформировали развернувшийся в обществах модерна процесс индивидуализации, лишив его объективного социально-структурного, группового институционального основания.

Помимо фундаментального изменения экономических и социальных структур необходимо указать также на изменения в культуре и функционировании знания, которые были зафиксированы постмодернистской философией и социологией.

Движение от классовой структуры общества к “массе”, к господству инструментальной рациональности, от науки — к экспертной культуре придало общему процессу индивидуализации не только резко выраженные, но даже патологические формы. Эти патологические формы в конце XX — начале XXI в. определяются прежде всего зафиксированным большинством современных социологов процессом роста социальной и культурной неопределенности, ко-

торая преследует, как подчеркивают современные социологи, индивида и его сознание и присутствует повсюду. Будущее непредсказуемо и неопределенно, а эта неопределенность исключает любое рациональное ожидание, надежду и обращенность в будущее, порождает чувство утраты контроля над настоящим и уверенности в своей способности контролировать свою жизнь, а также на первый взгляд перечеркивает идею индивидуального социального проекта.

Мир перестал быть управляемым, он вышел из-под контроля. Иллюзия возможного контроля над историческим процессом и управления им, оформившаяся в начале эпохи модерна, ушла в конце XX в. в прошлое. Мир ускользает из рук, как пишет Э. Гидденс. Современный мир, как он подчеркивает, не назовешь устоявшимся и стабильным, он полон тревог и раздирается глубокими противоречиями. «Многие из нас ощущают себя игрушкой в руках сил, которые нам неподвластны... Переживаемое нами ощущение бессилия — не признак нашей собственной слабости, а отражение недееспособности наших институтов»⁷.

Эти процессы и это качество современности делают функционально-структуралистскую ролевую теорию личности малоэффективной, так же как и классические варианты теории социального действия. Очевидно, что именно эти процессы лежат в основе взрыва интереса к теории идентичности, наблюдаемого в современной социологии. «Можно сказать, — пишет Бауман, — что “идентичность” становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни. Признанным объектам изучения социальных наук присваиваются новые формулировки и придается новый вид, чтобы они соответствовали дискуссиям, ныне вращающимся вокруг оси “идентичности”»⁸.

Выдвижение проблемы идентичности в центр современного социологического анализа привело к трансформации теории идентичности Эриксона в направлении ее социологизации и осовременивания. В современных социологических подходах к концептуализации идентичности можно, по нашему мнению, выделить три основных направления развития теории — конструктивистский, постмодернистский и интеракционистский.

Конструктивистские теории идентичности

В различных сферах социологического исследования социальной конструктивизм представлен различным образом. Изучение социальной идентичности оказалось той областью социологии, в

---

⁷ Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. С. 36.

⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 176.

которой позиции социального конструктивизма оказались во многих отношениях преобладающими. На это обстоятельство следует указать при определении основных ориентаций социологического анализа социальной идентичности.

Конструктивизм как базовая позиция в понимании генезиса и природы социальной идентичности обычно предстает, во-первых, как историческое обоснование того факта, что социальная идентичность оформляется и приобретает свою специфику только в условиях европейских обществ эпохи модерна. В связи с этим ее нельзя считать фундаментальным и универсальным свойством индивида в том плане, что индивид обладает социальной идентичностью во всех формах социально-исторической жизни. Идентичность конструируется, т.е. сознательным образом оформляется только у индивида эпохи модерна.

Во-вторых, в рамках конструктивистского подхода обосновывается и анализируется процесс оформления и реализации социальной идентичности, присущей модерну и современности. В качестве базового механизма функционирования такой идентичности обычно указывается на ее рефлексивный характер.

Рефлексивность распространяется на все аспекты формирования современной и современной идентичности индивидов. В особенной мере это видно на примере все более рефлексивного, соответственно, конструктивистского отношения современного индивида к формированию своего “Я”.

В современной социологии на значение рефлексивности, как свойства обществ позднего модерна и как механизма построения “самоидентичности”, одним из первых указал Энтони Гидденс.

Именно Гидденс создал теорию идентичности как рефлексивного проекта, которая жестко увязана с его теорией природы и характера современных, или позднемодерновых социальных институтов.

Современный процесс глобализации модерна трансформирует “внутреннюю жизнь” человека и его идентичность. Трансформация идентичности в современных условиях может быть понятной только в терминах конструирования “Я”, самости, в качестве рефлексивного проекта. Этот рефлексивный проект “Я” состоит в том, что индивид должен выбирать свою идентичность среди стратегий и выборов, предлагаемых экспертными и знаковыми системами.

Под символическими знаковыми системами подразумеваются средства обмена, которые могут функционировать безотносительно к специфическим характеристикам индивидов или групп, использующих их в любых контактах. Примерами символических знаковых систем служат различные средства политической легитимизации, деньги и т.д. “Денежная собственность” является ин-

тегральной составляющей социальной жизни модерна и его специфическим символом.

Под экспертными системами подразумеваются системы технического исполнения или профессиональной экспертизы, организующие наше материальное и социальное окружение. Большинство из нас пользуется консультациями профессионалов — юристов, архитекторов, врачей и т.д., системы, в которые включено экспертное знание, определяют нашу жизнь постоянно. Экспертные системы вместе с символическими знаковыми системами “вырывают” социальные отношения из их непосредственности, делая их результатом рефлексивного усвоения знания и использования элементов экспертного социального знания социальными агентами. Производство систематического знания относительно социальной жизни становится интегральной частью системы воспроизводства всех аспектов социальной реальности.

Рефлексивно усвоенное знание приводит к качественному изменению внутриличностных психологических процессов, созидающих индивидуальное “Я” в качестве рефлексивного проекта. Если в традиционном обществе личностная самоидентичность складывалась из набора последовательно сменяющих друг друга психовозрастных характеристик, обладавших четкими социальными “метками” (типа практик перехода, или инициации), то современный индивид вынужден использовать все прежние образы своего “Я” как конституирующие элементы самоидентичности в изменчивом, “контрфактическом” социальном контексте. В процесс личностной саморефлексии оказываются вовлеченными системы экспертного знания, которые предлагают постоянно расширяющийся набор педагогических, психотерапевтических, медицинских и социопсихологических рекомендаций, заменяющих однозначную определенность традиции. “Я” как рефлексивный проект — это “осуществление целостного, постоянно корректируемого биографического повествования в многовариантном контексте выбора, пропущенного через фильтры абстрактных систем”. В таком случае осуществление тождества своей личности, или “разработка траектории Я”, становится одной из главнейших жизненных задач индивида.

В условиях позднего модерна “Я” как самоидентичность обладает набором качественных характеристик, которые позволяют говорить о специфическом “Я” позднего модерна. Гидденс выделяет следующие такие характеристики:

1. “Я” есть рефлексивный проект: “мы являемся тем, что мы сами из себя создаем”, понимание себя подчинено фундаментальной задаче создания и воссоздания целостного чувства идентичности.
2. “Я” разрабатывает направление своего развития, опираясь на прошлое и прогнозируя будущее; обращение к прошлому соз-

дает эмоциональную свободу для прогнозирования и созидания будущего; построение “Я” — это многоэтапный жизненный цикл. 3. Рефлексивность “Я” всеохватна, ее природа соответствует исторической природе позднего модерна. 4. Целостность самоидентичности опирается на связанность автобиографического повествования. 5. Актуализация “Я” предполагает “диалог со временем” зон, только частично связанных с внешним временным порядком. 6. Рефлексивность “Я” охватывает также сферу телесности индивида. 7. Самоактуализация индивида требует “равновесия возможностей и рисков”, что возможно только в случае эмоционального преодоления прошлого и прогнозирования будущего. 8. Достижение идентичности “Я” как “верности себе” — это нравственная задача, которая требует понимания прежнего опыта и дифференциации истинного и ложного “Я”. 9. Жизненный цикл личности — это последовательная смена этапов или эпизодов, которые не имеют ритуальных меток или внешних причин. Смена этапов осуществляется благодаря рефлексивному осуществлению траектории “Я”. 10. Развитие “Я” обладает внутренней референтностью, единственно важной ориентацией жизненной траектории является она сама. Целостность “Я” достигается рефлексивной интеграцией жизненного опыта в системе биографического повествования.

Идентичность, таким образом, — это чувство целостности и непрерывности “духовной и телесной личности”, которое постоянно создается и поддерживается путем саморефлексии и осмысливается в контексте и терминах собственной биографии, составляющей ядро самоидентичности в условиях современной социальной жизни.

Личностная идентичность есть результат прогрессирующего конструирования, основания которого закладываются уже в самые первые годы жизни. Новорожденный попадает в сферу ожиданий и планов родителей относительно него. Это предвосхищает и ориентирует формирование идентичности, определяет место младенца в семейной констелляции, дает образ желаемого будущего для него. У новорожденного нет изначально сознания собственной идентичности, он лишь постепенно приобретает чувство самого себя. Чувство идентичности формируется исходя из восприятия собственного тела и посредством взаимодействия со средой. Тело образует основу чувства идентичности и служит основным средством поддержки этого чувства.

Процесс конструирования личностной идентичности, начавшись в самом начале жизненного пути, претерпевает модификации на всем протяжении этого пути. Модификации носят большей частью характер изменений и постоянных попыток новой интеграции, а не характер простого добавления. Иногда можно говорить о разрывах и кризисах, причем речь не идет о патологиях. В этом плане всегда

выделяли подростковый кризис. Достижение взрослости воспринималось как вступление в фазу спокойствия и стабильности. В последнее время подобное видение предстало как определенный миф. В нынешних социальных условиях все большее внимание исследователей привлекает кризис идентичности, часто переживаемый пожилыми людьми, особенно при выходе на пенсию.

Очень важную роль в модификации личностной идентичности, в модификации самосознания играют различные социальные факторы такие, как выбор профессии, степень профессионального успеха и социально-экономический статус, приобретение разнообразных социальных ролей, идеологические и религиозные приверженности. “Таким образом, — заключает Э. Марк, — конструирование идентичности предстает как динамичный процесс с разрывами и кризисами, как незавершенный и постоянно возобновляемый процесс”⁹.

В той же традиции конструктивистского подхода работает Эдмонд Марк. Однако концепция Марка имеет существенное отличие от теории идентичности Гидденса. Марк дополняет чисто социологическую перспективу Гидденса психологическим анализом. Он отмечает, что идентичность предстает и как сложное, и как парадоксальное явление. Она обозначает нечто уникальное, соответственно неснимаемо отличное от других, но в то же время обозначает нечто одинаковое, похожее на других. Подобная семантическая двойственность обладает глубоким смыслом. Она указывает на то, что идентичность колеблется между подобием и отличием, колеблется между тем, что делает нас уникальной индивидуальностью и вместе с тем делает нас похожими на других. Психология демонстрирует, что идентичность конструируется посредством двойного движения ассимиляции и дифференциации, отождествления с другими и отличия от них.

Отметим, что в общем существует теоретическое согласие относительно того, что процесс оформления самоидентичности опирается на некоторые базовые данности самовосприятия индивида. Представим некоторые подобные данности, к которым апеллируют. Личностная идентичность в том числе и в своих социальных аспектах представляет собой сложное и многомерное явление. Это связано в первую очередь с тем объективным обстоятельством, что каждый индивид уникален в силу своего генетического наследия. В самовосприятии личностная идентичность связана с “чувством собственной индивидуальности” (я есть я), с чувством собственной единичности (я отличаюсь от других и обладаю теми или иными

---

⁹ Marc E. La construction identitaire de l'individu // Identité (S). L'individu, le groupe, la société. P., 2009. С. 35.

характеристиками), а также с чувством собственной континуумности в пространстве и времени (я всегда одна и та же личность).

Кроме того, мы ожидаем от других, что каждый из них будет проявлять определенную когерентность и определенное постоянство в своем бытии, в своих установках и в своем поведении. Чрезмерная изменчивость и подвижность воспринимаются нами как некая патология.

Эти и некоторые другие базовые данности, к которым апеллируют исследователи, правомерно считать некоторыми универсальными антропологическими константами, образующими основу личностной идентичности, включающей и социальную, в любых социальных формах существования человека. Вместе с тем, их можно рассматривать как основание, как условие возможности исторически вариативных социальных идентичностей, в том числе идентичностей классического модерна и современных идентичностей. Нет серьезных оснований считать идентичность исключительно порождением модерна, если отказаться от чисто социологической перспективы и учитывать психологический и исторический взгляд на проблему.

В этом плане конструктивизм, если его считать только тезисом об исключительной связи индивидуальной идентичности с модерном, представляется связанным с радикально социологической трактовкой идентичности. Однако конструктивизм фактически получает подтверждение через указание на то, что на определенной констатной основе воздвигаются исторически вариативные формы идентичностей. Ведь оформление цивилизационно, культурно и эпохально различных идентичностей на деле всегда есть процесс рефлексивного конструирования этих идентичностей, как это продемонстрировал Эрикссон, на основе данных антропологических исследований. Идентичности, которые обычно указываются в качестве базовых, следует квалифицировать как имеющие историческую определенность, и указание на них не противоречит в принципе социально-конструктивистскому подходу.

Постмодернистские теории идентичности

Среди социологических теорий идентичности, создаваемых в постмодернистской перспективе прочтения современности, наиболее репрезентативными и информативными, на наш взгляд, являются теории Джонатана Фридмана и Зигмунда Баумана.

Нынешняя эпоха предстает у Фридмана как эпоха “усиливающегося беспорядка”, который имеет глобальную природу, но вместе с тем обладает систематическим, т.е. специфическим и предсказуемым характером. Этот беспорядок связан с разложением универ-

салистских, основывающихся на разуме структур модерна и идентичностей, в результате чего усиливается интеграция объединений более низкого порядка, возникают новые структуры и политические союзы, и, соответственно, — новые конфликты и идентичности.

Центробежные тенденции современного социального мира увязываются Фридманом с кризисом идеала всеобщего прогресса, имеющего глобальный и необходимый характер, и отходом от соответствующей политики. Этот кризис выразился в распаде единства господствующей социальной формы и иерархии идентичностей. Произошел поворот от политики, направленной на формирование национально-государственной идентичности, к политике культурной идентичности, связанной с процессом размножения “новых” идентичностей, процессом мультикультурализации. Центральным моментом указанного процесса, по мнению Фридмана, является “этнификация идентичности”. Речь идет о возникновении социальной идентичности, которая основывается на специфической конфигурации сознания, базирующейся на истории, языке, расе. Все это — социально-конструируемые реальности, однако признание их конструируемого характера не означает, по мнению Фридмана, что они ложны или идеологичны. Более того, он считает, что опасно и неразумно отрицать аутентичность этнокультурной идентичности как значимого социального феномена.

Нации эпохи модерна распались на множество этнических и культурных образований. Фридман выделяет следующие типы новых идентичностей, являющихся новой основой группообразования — этнический, националистический, религиозно-фундаменталистский и локальный. Этот процесс имеет повсеместный, глобальный характер: субнационализм; этнические и локальные движения; конфликты и локальные войны; образование общин, основанных на локальных характеристиках, обладающих собственным культурным самосознанием и стремящихся к автономии от национально-государственных центров; резкое усиление фундаменталистских религиозных движений и как результат — ослабление и трансформация национально-государственного принципа, составляющего один из компонентов проекта модерна и мирового социального и политического порядка, основанного на нем. Эта трансформация глобального порядка ведет к возникновению глобальных экономических и политических классов и широкому обнищанию и миграции больших групп населения.

Культурная этнификация представляет собой глобальный процесс, создаваемый множеством культурных идеологий, которые быстро распространяются по всему миру и способствуют активной политизации культурных идентичностей среди иммигрантских мень-

шинств, субнациональных регионов и местного населения. Речь идет об утрате гегемонии, дезинтеграции предлагаемой универсалистской модели идентичности модерна и глобальном размножении локальных идентичностей. Закат гегемонии центра принимает форму усиливающегося мультинационализма, а этническая консолидация влечет за собой формирование новых элит.

И в этом плане, анализируя позицию Фридмана, необходимо указать на следующее. Национальные группы требуют установления прозрачных границ и права присутствовать и жить в рамках любых национально-государственных образований. Кроме того, мультикультурализм и как принцип, и как практика чреват своими последствиями для универсального и гомогенного социально-культурного пространства национального государства. Иммигрантские религиозные и этнические меньшинства, сохраняя групповую организацию, сохраняют и соответствующую религиозную и этническую идентичность, что не позволяет им до конца проходить процессы ассимиляции. Более того, как свидетельствуют социологические исследования, иммигрантские меньшинства осуществляют активное сопротивление процессу ассимиляции и “растворения” в большом обществе. Их взаимодействие с большим обществом носит сложный характер. Иммигрантские группы, взаимодействуя с большим обществом, принимают его “сообщения”, но оказываются не склонными к его адекватному, соответствующему установленным нормам и правилам, прочтению. Они интерпретируют это “послание” по-своему. Культурно-нормативной системе большого общества они противопоставляют свою нормативно-культурную систему и идентичность, свои способы прочтения культурных норм и кодов и заставляют каждое нормативно-культурное послание большого общества функционировать в их собственной системе норм и кодов. В результате универсальное культурно-нормативное пространство национально-государственной территории разрывается, в нем образуются инокультурные лакуны, разрывается единая система смысловых коммуникаций. Все это напрямую “врывается” в политический процесс, порождая новые противоречия и конфликты, ставя под вопрос единство национально-государственного образования, а также порождая противоречия и конфликты в процессе конституирования индивидуальной идентичности. А это неизбежно ведет к определенным, большей частью негативным последствиям для интегрированности и целостности идентичности.

Постмодернистское видение стремится зафиксировать некоторые сложные явления, связанные с многообразным, в чем-то даже хаотичным процессом оформления этнокультурных идентичностей. Положение индивида в современных обществах определяется и

тем обстоятельством, что эти общества суть глобализированные общества. Глобализация оказывает неотвратимое воздействие на все моменты функционирования современных обществ и существование живущих в них людей.

Жизнь современного человека неизбежно оказывается втянутой в диалектические отношения между локальными социальными структурами, культурными традициями и глобализирующими структурами и силами, которые подвергают локальные обстоятельства стремительной, а зачастую и глубокой трансформации.

Анализ социальной идентичности в контексте теорий глобализации указывает на включенность субъекта во все более усложняющуюся совокупность верований, ценностей и установок, зачастую отчетливо гетерономных. Это обстоятельство выдвигает повышенные требования к сознательно-субъектным функциям при оформлении идентичности, поскольку формирование идентичности осуществляется в сложном и противоречивом социальном контексте, состоящем из несопоставимых между собой культурных образований, центробежных политических тенденций, мультикультурных идентичностей и процессов нарциссического разложения целостного “эго” модерна.

В этой же концептуальной перспективе глобального “беспорядка” и нарциссического разложения целостного эго модерна осуществляется построение теории идентичности Зигмундом Бауманом. Специфика позиции Баумана, вместе с тем, состоит в том, что он очень удачно совмещает постмодернистский подход с конструктивистским.

По мнению Баумана, на протяжении предшествующих модерну исторических этапов “идентичность” не была “частным делом” или “частной заботой”. То, что наша индивидуальность была продуктом общества, было банальной истиной, но современное прочтение этого положения заслуживает, возможно, более частых повторений: «...форма нашей социальности, как и форма общества, в котором мы живем, зависят от того, как ставится и решается задача “индивидуализации”... “индивидуализация” заключается в преобразовании человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью как за решение этой задачи, так и за последствия... она состоит в установлении автономии индивида *de jure* (хотя и не обязательно *de facto*)... Модернити заменяет *предопределенность* социального положения принудительным и обязательным *самоопределением*»¹⁰. Эти свойства модерна, процессов индивидуализации и формирования идентичности в конце XX — начале XXI в. серьезно интенсифицировались.

---

¹⁰ Бауман З. Указ. соч. С. 182.

Задача “самоопределения”, вставшая уже перед людьми в обществах классического модерна, состояла в “приспособлении к сформировавшимся социальным типам и моделям поведения, подражанию, следованию образцам, повышению культурного уровня, попыткам не выбиться из ряда, не отойти от нормы”¹¹. Задачей было “вписаться” в отведенную нишу, и это отличает “индивидуализацию” прежних времен от той формы, которую она приняла в эпоху “текучей” современности, “когда не только *положение* индивидов в обществе, но и сами *места*, к которым они могут получить доступ и которые стремятся занять, быстро трансформируются и едва ли могут надежно служить в качестве цели чьей-то жизни”¹². Сами цели становятся расплывчатыми и неопределенными, источником беспокойства и “великим неизвестным” в жизни человека. Это означает, что проблема идентичности изменила свою форму и содержание. Она “состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, *какую* идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать *другой* выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность или лишится ее соблазнительных черт”¹³.

Бауман выявляет очень серьезную проблему, возникшую в современном мире и ставящую перед социологической теорией вопрос о том, не устарела ли теория идентичности Эриксона, согласно которой состояние психического здоровья человека фундаментальным образом связано с субъективным ощущением целостности и преемственности его личности.

В современной “жидкой”, “текучей”, подвижной социальности рациональное поведение требует и “текучести” личности, максимальных возможностей выбора и открытости, что противоречит задаче обретения четкой или даже жесткой идентичности, являющейся основой “целостности” и “преемственности”. Идентичности, к которым стремятся в нашей современности, являются фрагментированными и атомизированными, свободно выбираемыми и сменяемыми, подобно смене одежды, автомобиля или места жительства.

Современный человек бесконечно занимается построением своих идентичностей, тратя много времени и усилий по их демонтажу, переустройству и новому формированию. Этот процесс, по мнению Баумана, является “суррогатом времяпрепровождения”, а также “суррогатом сообщества” как “естественного обиталища”, которое “более недоступно в приватизируемом и индивидуализируе-

---

¹¹ Бауман З. Указ. соч. С. 182.

¹² Там же. С. 189.

¹³ Там же. С. 185.

мом, стремительно глобализирующемся мире”¹⁴. Идентичность, продолжает он, пускает корни на “кладбище сообществ” и изобретается тогда, когда сообщества распадаются. Вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным, по его мнению, и соответствующим реальностям глобализирующегося мира было бы “исследование *идентификации*, никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущее деятельности, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены”¹⁵.

Фактически Бауман отказывается от теории идентичности Эриксона как механизма и средства сохранения целостности и преемственности личности. Он упускает из виду или просто не желает рассматривать главную проблему, которую решал Эриксон — проблему психического здоровья и социальной полноценности человека, достигаемых только в случае сохранения преемственности и целостности идентичности.

“Идентификация” в условиях подвижного и быстро меняющегося мира есть не столько современное видение проблемы целостности и преемственности личности, сколько указание на невозможность ее решения в данных условиях. Процесс идентификации, не нашедший завершения в какой-либо определенной целостной идентичности, порождает явление, давно описанное в рамках социологической теории. Оно имеет множество концептуализаций. Это и концепция “рыночного” или “шизоидного” социального характера у Э. Фромма, и различного рода концептуализации драматургического действия, и постмодернистские теории стилей жизни, потребления, символического обмена, и теории отчуждения в критической теории. В этом же русле присутствует широко известное высказывание, характеризующее современный мир как мир, в котором уже не важно, что ты делаешь, важно *какой* ты. Речь идет о фактически уже не личностной определенности, а о функционирующих в обществе моделях репрезентации. В этой связи широкое распространение и известность имеет высказывание Кристофера Лэша, которое постоянно воспроизводится в современной литературе, в частности, его цитируют и Бауман, и Гидденс: “Не надеясь на улучшение своей жизни каким-либо эффективным способом, люди убеждают себя в значимости психологического самосовершенствования; в прикосновении к своим чувствам, потреблении здоровой пищи, обучении балету или танцу живота, погружении в восточную мудрость, совершении пробежек по утрам, изучении взаимоотношений между людьми, преодолении страха перед удо-

---

¹⁴ Бауман З. Указ. соч. С. 190.

¹⁵ Там же. С. 192.

вольствиями. Безвредные сами по себе, такие действия, поднимаемые на уровень жизненной программы и упаковываемые в ритуку достоверности и осознанности, свидетельствуют об отходе от политики”¹⁶. Данная цитата из работы К. Лэша “Культура нарциссизма” — это не только характеристика нарциссической природы современной индивидуальности, но и свидетельство разрыва фундаментальной связи между двумя компонентами идентичности — социальной идентичностью и эго-идентичностью, замене индивидуального, личностного начала совокупным набором различных моделей репрезентации.

Использование подобных практик и механизмов идентификации, предложенное Бауманом в условиях “текущей современности”, “слабого бытия” (Дж. Ваттимо), “общества спектакля” (Ги Дебор), порождает столь же непрофилированное, неструктурированное, размытое сознание идентичности, исследование которой возвращает нас в дискурс шизоанализа, который в упадке целостности сознания видит клиническую картину шизофрении. “Тот, кто изо дня в день пассивно подчиняется участи отчуждаемого, тем самым доводится до безумия, которое иллюзорно реагирует на эту участь, прибегая к магическим техникам. Признание и потребление товаров находится в самом центре этого псевдоответа на безответное сообщение. Потребность в подражании, испытываемая потребителем, является инфантильной потребностью... аномальная потребность выставления себя напоказ компенсирует здесь мучительное чувство существования на обочине жизни”¹⁷.

В результате мы вновь сталкиваемся с совершенно определенной интерпретацией социальной идентичности, ранее широко присутствовавшей в социологии. Согласно этому пониманию, социальная идентичность — это такие аспекты индивидуальной “я-концепции”, которые проистекают из членства в различных группах и оформляются в связи с идентификацией с такими социальными категориями как раса, гендер, религия, профессия, а также с другими, которые могут и не проявляться в означенных социальных контекстах. Но дело в том, что именно эта групповая перспектива размывается в современных обществах, не позволяя человеку “зацепиться” за что-то внешнее, твердое, устойчивое, и возвращает его к персоналистской задаче оформления идентичности, к осознанию того, что человек есть то, что он сам из себя сделал.

Принцип или идея “идентификации” с подвижными, быстро меняющимися реалиями современного мира становится принципом, порождающим столь же неустойчивую (чтобы не сказать ши-

---

¹⁶ Цит. по: Бауман З. Указ. соч. С. 189.

¹⁷ Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000. С. 113.

зоидную) личность. Солидарность, консенсус и даже сама выживаемость интерактивных систем и общества в целом становится проблематичной. Проблема не просто остается нерешенной, она обостряется и поэтому требует нового прочтения, нового исследования и выявления механизмов того, как в современных условиях может осуществляться процесс воссоздания целостности и преемственности личности. Такие попытки в современной социологической теории предпринимаются в рамках методологии символического интеракционизма с опорой на классические разработки Дж. Мида и Г. Блумера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bauman Z. Индивидуализированное общество. М., 2005.

Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011.

Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

Дебор Г. Общество спектакля. М., 2000.

Кимелев Ю.А. “Субъект” и “субъективность” в современной западной социальной философии. М., 2006.

Кимелев Ю.А. Западная философская антропология на рубеже XX–XXI веков. М., 2007.

Кимелев Ю.А. Методология социальных наук. М., 2011.

Кимелев Ю.А. Философия социальных наук. М., 2013.

Кимелев Ю.А. Философия и социологическая теория. Сферы взаимодействия. М., 2015.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социологические теории модерна, радикализированного модерна и постмодерна. М., 1996.

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Философия социальных наук // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2014. № 1. С. 20–46.

Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М., 2004.

REFERENCES

Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo. M., 2005.

Baumeister R. Identity. Cultural change and the struggle for self. N.Y.; Oxford, 1986.

Corcuff Ph. Vers une théorie générale de l'individualisme contemporain occidental // L'individu aujourd'hui / Sous la direction de Ph. Corcuff, Chr. Le Barth, F. De Singly. Rennes, 2010. P. 329–338.

Debor G. Obshchestvo spektaklya. M., 2000.

Erikson E. Identity and the life cycle. N.Y.; L., 1994.

Erikson E. Young man Luther. A study in Psychoanalysis and history. N.Y., 1958.

Friedmann J. Order and disorder in global systems: a sketch // Social research. 1993. Vol. 60. N 2.

- Gerhardt V.* Selbstbestimmung. Stuttgart, 1999.
- Giddens A.* Modernity and self-identity. Stanford, 1991.
- Giddens A.* The transformation of intimacy. Stanford, 1992.
- Giddens E.* Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'. M., 2004.
- Giddens E.* Posledstviya sovremennosti. M., 2011.
- Kaufmann J.-Cl.* L'invention de soi. Une theorie de l'identite. P., 2007.
- Kaufmann J.-Cl.* La force structurante d'une illusion: l'individu // L'individu aujourd'hui / Sous la direction de Ph. Corcuff, Chr. Le Barth, F. De Singly. Rennes, 2010. P. 247–254.
- Kimelev Yu.A.* "Sub"ekt" i "sub"ektivnost'" v sovremennoi zapadnoi sotsial'noi filosofii. M., 2006.
- Kimelev Yu.A.* Zapadnaya filosofskaya antropologiya na rubezhe XX–XXI vekov. M., 2007.
- Kimelev Yu.A.* Metodologiya sotsial'nykh nauk. M., 2011.
- Kimelev Yu.A.* Filosofiya sotsial'nykh nauk. M., 2013.
- Kimelev Yu.A.* Filosofiya i sotsiologicheskaya teoriya. Sfery vzaimodeistviya. M., 2015.
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L.* Sotsiologicheskie teorii moderna, radikalizirovannogo moderna i postmoderna. M., 1996.
- Kimelev Yu.A., Polyakova N.L.* Filosofiya sotsial'nykh nauk // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2014. N 1. S. 20–46.
- Marc E.* La construction identitaire de l'individu // Identite (S). L'individu, le groupe, la societe / Coordonné par C. Halpern. P., 2009. P. 28–35.
- Polyakova N.L.* XX vek v sotsiologicheskikh teoriyakh obshchestva. M., 2004.
- Redeker R.* Egobody. La fabrique de l'homme nouveau. P., 2010.
- Rodriguez M.* La conciencia y la accion: observaciones sobre el concepto de persona // Pensando la mente / Ed. by F. Chacon, G.M. Rodrigues. Madrid, 2000. P. 357–381.
- Runciman W.G.* The social animal. Ann Arbor, 2000.
- Schilling Ch.* The body and social theory. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore; 2012.
- Searle J.R.* Mind, language and society. L., 1999.
- Searle J.R.* Making the social world. N.Y., 2010.
- Sibilia P.* El hombre postorganico. Cuerpo, subjetividad y tecnologias digitales. Buenos Aires, 2005.
- Taylor Ch.* Sources of the self. Cambridge, 1989.
- Touraine A.* Critique de la modernite. P., 1992.
- Turner Br.S.* The body and society. Los Angeles; L.; New Delhi; Singapore, 2008.
- Vattimo G.* La fine della modernita. Roma, 1999.
- Waldenfels B.* Das leibliche Selbst. Frankfurt a/M., 2000.